

На правах рукописи

ЛЕОНОВ Иван Сергеевич

**ПРАВОСЛАВНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА
XXI ВЕКА: ТИПОЛОГИЯ И ПОЭТИКА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Волгоград – 2019

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный консультант – *Жаравина Лариса Владимировна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Бердникова Ольга Анатольевна*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук);

Бойко Светлана Сергеевна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», профессор кафедры истории русской литературы новейшего времени);

Федорова Елена Алексеевна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», профессор кафедры теории и практики коммуникации).

Ведущая организация – ГОУ ВО Московской области Московский государственный областной университет.

Защита состоится 20 марта 2020 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 17 февраля 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Возникновение на рубеже XX–XXI веков весьма специфического феномена православной художественной литературы закономерно. В условиях постперестроечной России остро ощущалась необходимость открытого диалога между церковью и обществом, для которого многие вопросы, связанные с христианской религией, нуждались в истолковании. Более того, в настоящее время наблюдается сближение священнической и писательской миссий, о чем свидетельствует обращение ряда церковных служителей к художественному творчеству. Существенен и обратный процесс: представители творческой интеллигенции, пройдя стадии воцерковления, а некоторые приняв священнический сан, воспринимают работу со словом как особую форму проповеди. Таким образом, будучи тесно связанной с традициями русской классической словесности, аккумулирующей ценности духовно-нравственного порядка, православная художественная литература, безусловно, является фактом сегодняшнего дня, порождением новых тенденций в развитии социума.

Актуальность темы настоящего диссертационного исследования обусловлена не только неослабевающим интересом современного отечественного литературоведения к комплексу проблем «Православие и культура», но и научной целесообразностью расширения круга обобщающих работ о «православной прозе» нового тысячелетия – своеобразном литературном течении, ставшем органической частью современного литературного процесса.

Объектом настоящего исследования является отечественная православная художественная словесность первых десятилетий XXI века, созданная группой авторов-священнослужителей и воцерковленных мирян.

Предмет – идейно-тематическое и художественное своеобразие двух основных жанрово-видовых разновидностей православной художественной литературы: миссионерской и приходской прозы.

Материалом исследования стали произведения писателей-священнослужителей Николая Агафонова, Ярослава Шипова, Александра Шантаева, Александра Дьяченко, Саввы Михалевича, Алексия Лисняка, Александра Торика, Алексия Мокиевского, Тихона (Шевкунова), а также Сергея Козлова, Валерия Лялина, Бориса Спорова, Татьяны Шипошиной.

Степень разработанности темы исследования. В научных исследованиях и критических работах данное явление определяется с известной долей вариативности: «литература духовного реализма»

(И.А. Казанцева), «литературная духовная проза» (Н.В. Пращерук), «иерейская проза» (В.М. Каплан) и т. п. Среди наиболее обсуждаемых проблем, связанных с творчеством вышеназванных писателей, к преимущественно разработанным относятся вопросы жанрологии, сюжетной типологии, художественной характерологии, мотивно-образный комплекс, имеющий отношение к обрядовой стороне богослужения, опора на церковно-учительную традицию (святители Тихон Задонский, Игнатий Брянчанинов и др.). Кроме того, отмечено наличие библейского интертекста; выявлена установка на коммуникативные связи автора-священнослужителя с читателем; подчеркнут общий «радостопечальный» (Ю. Кононенко) эмоциональный настрой.

В настоящей работе ключевое понятие «православная художественная проза» становится обобщающим для двух основных жанровых разновидностей: «миссионерская проза» и «приходская проза». В своей совокупности они могут восприниматься как часть более широкого и многоаспектного явления – духовного реализма, актуализирующего вопросы метафизики и аксиологии в художественной словесности. Если учесть специфику материала, то целесообразно, вслед за А.М. Любимудровым, считать церковность важнейшим параметром данного феномена, употребляющего определение «духовный» в собственно религиозном, а не в общекультурном значении. «“Духовность” подразумевает строго христианскую духовность как качество той сферы личности, которая связана с трансцендентным началом, как то, что имеет отношение к Духу Божию»¹.

Мы полностью поддерживаем концепцию И.А. Казанцевой, оперирующей понятием «духовный реализм» при обращении к творчеству архим. Тихона (Шевкунова), в основе которого – «представление о реальности благой вести, твердое убеждение в Промыслительности жизни, понимание необходимости сотрудничества человека и Бога, устремленность к спасению души»². Как справедливо утверждает С.М. Червоненко, в произведениях священнослужителей содержится «живое, образное толкование церковных догматов»³. Е.В. Гладкова аргументированно доказывает, что духовная проза «ориентирована на двухчаст-

¹ Любимудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 22.

² Казанцева И.А. Концепция мира и человека в современной прозе духовного реализма // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2015. № 1. С. 52.

³ Червоненко С.М. Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей: малые жанры русской прозы 1990–2000-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 8.

ную модель риторического слова. Наррация и дидактика, образ и толкование, изображение и мораль – основа этого канона»⁴.

Аналогичным, но не тождественным образом интерпретируется православная проза С.С. Бойко, Е.Л. Зайцевой, М.К. Парамоновой, Н.С. Жарковой, В.А. Корепановой, С.В. Тарасовой. Очевидны значительность и новизна общих теоретических установок и конкретных наблюдений в диссертационных работах М.С. Красняковой⁵ и А.А. Моториной⁶.

И все же, несмотря на то, что в последние годы обозначились методологически перспективные подходы к изучению творчества православных авторов, ряд важнейших моментов сохраняет свою актуальность. К ним относятся выработка адекватного терминологического аппарата для обозначения указанного явления, систематизация его содержательных и формальных характеристик, выявление дифференцирующих признаков, позволяющих четко идентифицировать данное явление.

В итоге при общей установке на понимание значительности религиозно-церковной традиции в современном художественном процессе в это понятие включаются разноплановые элементы как с точки зрения авторских задач, так и с позиций отбора и презентации жизненного материала. Практически не исследованными остаются психологические приемы раскрытия образов персонажей, следующих по пути обретения веры и воцерковления. Очевидно, что у каждого героя этот путь индивидуален, осложнен чередой кризисных ситуаций, духовными взлетами и падениями, что требует специфического исследовательского подхода. Нередко проблематика произведений, посвященных сложнейшей теме поиска человеком высших ценностей, сводится к упрощенной схеме «атеист – верующий».

Недостаточно изученной является также насыщенная богатой этнокультурной информацией приходская проза, представленная творчеством писателей, совершающих или совершавших служение в сельских церковных общинах. Корпус литературных текстов, содержащий подобный материал, свидетельствует о выходе авторов за пределы глубоко конфессионального контекста и расширении круга затрагиваемых

⁴ Гладкова Е.В. Духовная проза 30–70-х гг. XIX века: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. С. 138.

⁵ Краснякова М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016.

⁶ Моторина А.А. Русская художественная проза XX – начала XXI века: изображение духовного состояния человека в кризисную эпоху: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

в произведении проблем: философских, ментально-психологических, нравственных, исторических, социальных, коммуникативных и др.

Признавая, что значительное количество работ посвящено анализу книги архим. Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы», мы отмечаем, что все же не вполне точно определено место повествования в общем православно-художественном контексте и литературном процессе современности; не выявлены до конца содержательные и формальные признаки, связывающие книгу с иными течениями православной словесности, а также указывающие на уникальность произведения в процессе формирования нового явления – современной монастырской прозы.

Обращение к литературно-художественному творчеству священнослужителей и воцерковленных мирян требует оговорки: разумеется, христианская проблематика, библейская образность и символика находят отражение и в произведениях светских авторов (В. Личутин, З. Прилепин, Е. Водолазкин и др.), что свидетельствует, как отмечалось, об активизации интереса российского общества к религиозным вопросам. Однако следует отметить, что, несмотря на ярко выраженный религиозный аспект и неоспоримые художественные достоинства, указанные тексты остаются за рамками настоящего исследования, поскольку не вполне соотносятся с поставленной целью и решаемыми задачами.

Действительно, теологические постулаты в творчестве писателей-священнослужителей и воцерковленных мирян воспринимаются не в отвлеченном контексте, но через призму религиозной традиции, предполагающей акцент на трех аспектах: метафизическом, этическом и институциональном. Первый основан на полном принятии догматов христианского вероучения. Второй подразумевает ориентацию на нравственно-ценностную систему православия. Третий аспект связан с признанием авторитета основоположников церкви и современной церковной иерархии, уважением к священническому сану и приверженностью нормам поведения воцерковленного человека через соблюдение праздничного календаря, соответствующего этикета и т. д. В художественной реализации трех аспектов заключается отличие собственно православной литературы от произведений писателей, которые во главу угла ставят христианскую этику, вынося за скобки вопросы метафизического и институционального (конфессионального) планов.

Охарактеризованные ниже образцы миссионерской и приходской прозы призваны отразить не только *pro et contra* светского взгляда на феномен сближения церковной и государственной политики, но и са-

моидентификацию церкви, ее взгляд на самое себя, при котором каноны воцерковления специфицируют суть авторской позиции.

Цель настоящего диссертационного исследования – определить и систематизировать основные художественные параметры современной православной художественной литературы; обосновать и раскрыть содержательные и структурные особенности ее основных течений: миссионерской и приходской прозы.

Указанная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) выявить специфические черты миссионерской прозы, охарактеризовать приемы и способы изображения духовной эволюции персонажей на примере *кризис-* и *выбор-ситуаций*, их вариативных сочетаний, представленных в произведениях православных авторов;

2) рассмотреть особенности отражения *Иов-ситуации*, установить основные стратегии ее реализации на примере конкретных художественных текстов; определить функции и сущность мотивов, восходящих к библейским константам: *бунт*, *прозрение*, *прощение*;

3) характеризуя приходскую прозу, показать ее художественное своеобразие, акцентируя внимание на элементах богослужебно-обрядового комплекса;

4) представить систематизированную типологию социально-коммуникативных моделей, характерных для приходской литературы;

5) определить место книги архим. Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» в аспекте синтеза миссионерской и приходской прозы с акцентом на тенденциях исповедально-проповеднического плана;

6) доказать принципиально важную роль творчества архим. Тихона (Шевкунова) для формирования и функционирования монастырской прозы как нового явления в современной православной словесности.

Методологической основой исследования явились концепции П.Е. Бухаркина, И.А. Есаулова, В.Н. Захарова, А.Л. Казина, В.А. Котельникова, А.М. Любомудрова, А.Н. Розова и др., посвященные обоснованию христианской доминанты в отечественной культуре, диалогу литературы и церкви в диахронном и синхронном аспектах; авторитетные труды филологов, нацеленные на раскрытие религиозно-философской природы художественного творчества (Е.И. Анненкова, В.Н. Аношкина, А.М. Буланов, М.М. Дунаев, Л.В. Жаравина, О.В. Зырянов, Т.А. Кошемчук, С.А. Мартынова, А.Б. Тарасов и др.); известные работы Л.Ф. Алексеевой, О.А. Бердниковой, Л.И. Бронской, И.А. Виноградова, В.А. Воропаева, А.Г. Гачевой, Е.В. Гладковой, С.А. Гончарова, В.Т. Захаровой, В.И. Мельника, В.С. Непомнящего, Е.А. Федоровой

(Гаричевой) и др., раскрывающие механизм художественной трансляции православного вероучения на материале творчества русских писателей XIX–XX веков, а также анализ произведений православной словесности XXI века, осуществленный С.С. Бойко, И.А. Казанцевой, М.С. Красняковой, А.А. Моториной, Н.В. Пращерук, С.М. Червоненко и др. Направляющую роль сыграла опора на богословские сочинения С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, В.Н. Лосского, П.А. Флоренского, Г.В. Флоровского.

Работа ориентирована на историко-генетический, культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический **методы исследования**, а также на функционально-типологический подход к художественному тексту.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые выявлены и систематизированы структурно-содержательные и типологические особенности таких разновидностей современной православной словесности, как миссионерская и приходская проза; обоснована жанровая уникальность книги архим. Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы», установлен конкретный вклад автора в развитие и становление монастырской эпической формы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Православная художественная литература, занимающая специфическое место в современном литературном процессе, направлена на поиск наиболее эффективных средств активизации диалога церкви и общества. Выделяются две основные разновидности: миссионерская и приходская проза. В основе дифференциации лежат специфика авторских задач, принципы отбора жизненного материала и способы его художественного отражения.

2. В рамках миссионерской прозы осуществляются разработка и презентация моделей обретения веры и воцерковления современного человека, основанные на вариативных сочетаниях сюжетных ситуаций (*предстартовой, стартовой, кризис-ситуации, ситуации выбора, финальной*). Восходящая к текстам Священного Писания *Иов-ситуация* реализуется в аспектах *болезнь – выздоровление, потеря – обретение семьи, потеря – обретение дома*. Особой значимостью мотивов прощения и прозрения объясняется ослабленный характер стабильной для *Иов-ситуации* темы бунтарства.

3. В произведениях, относимых к миссионерской прозе, наблюдается переход от традиционных моделей воцерковления, связанных с благополучным разрешением *кризис-ситуации*, к усложненным парадиг-

мам, раскрывающим болезненные психологические и духовные перипетии эволюции персонажа.

4. В приходской прозе мир православной общины изображается в единстве сакрального и институционального понимания. Православная церковь позиционирует себя, с одной стороны, как метафизический организм, соединяющий божественную и земную реальности, с другой – как общественный институт, который невозможно изолировать от социально-психологических и ментальных противоречий современности. Эта особенность побуждает авторов наделять сотериологической знаковостью единство богослужебно-обрядового (вертикального) и социально-коммуникативного (горизонтального) векторов.

5. Книга архим. Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы», сочетая элементы миссионерской и приходской прозы, включает социально-коммуникативные модели, восходящие к «мирскому» периоду жизни повествователя, чем объясняется наличие в повествовании автобиографического и исповедально-проповеднического начала. Ее появление свидетельствует о формировании нового литературного явления – современной монастырской прозы, трактующей феномен двоемирия в аспекте синтеза сакрально-церковной и секулярной пространственных форм.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании принципов анализа наиболее существенных структурно-моделирующих параметров православной художественной словесности XXI века; разработке критериальной основы жанрообразования на материале миссионерской и приходской прозы; в реализации научного подхода к литературному тексту с учетом нормативно-интегрирующей функции религии и церкви в современном социокультурном пространстве.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в рамках вузовских дисциплин «История русской литературы» и «Современный литературный процесс», при разработке элективных курсов по проблеме «Литература и христианство» в общеобразовательных учреждениях различного типа, а также при написании учебников, учебных пособий, в ходе онлайн-обучения.

Оценка достоверности результатов исследования выявила следующее: применены адекватные методы и приемы исследования; репрезентативен материал исследования, который включает широкий круг произведений, относящихся к православной художественной литературе первых десятилетий XXI века; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-

методологическую базу; основные результаты отражены в отечественных и зарубежных научных публикациях.

Апробация результатов исследования проводилась в рамках международных научно-практических конференций «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2011, 2012, 2013, 2014, 2017 гг.), «Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения» (Севастополь, 2009, 2010, 2011, 2013 гг.), научной конференции «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре» (Волгоград, 2007, 2009, 2011 гг.), а также научной конференции «IV Свято-Филаретовские чтения» (Москва, 2008 г.) и на научно-методических семинарах в Сербии (Белград, 2010 г.), Бельгии (Антверпен, 2010 г.), Италии (Рим, 2011 г.), Вьетнаме (Хошимин, Ханой, 2012 г.), Польше (Варшава, 2019 г.). Материалы исследования отражены в 2 монографиях, 47 статьях, 3 из которых индексируются в базе данных Web of Science, 23 опубликованы в журналах, входящих в список ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Общий объем публикаций составляет 41,2 п. л.

Структура диссертации. Диссертационное исследование включает введение, три главы, заключение и список литературы, состоящий из 443 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень изученности вопроса, конкретизируются объект, предмет, материал исследования, формулируются его цель и задачи, положения, выносимые на защиту. Определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, дана оценка достоверности полученных результатов, представлена информация об апробации и внедрении результатов исследования.

Современная православная художественная проза включает значительный корпус произведений, различных в жанровом и стилевом отношении, в основу которых положен принцип *теоцентризма*.

В **первой главе** «**Миссионерская православная художественная проза: идейно-тематическая и художественная специфика**» рассматривается идейно-эстетическое своеобразие миссионерской прозы, общая установка которой связана с разработкой и презентацией типичных моделей прихода к вере и воцерковления современного человека. Богопознание может осуществляться разными путями и способами: через болезнь, несчастье, одиночество, сближение с людьми, имеющими бо-

гатый опыт духовной жизни, и др. Важна ситуация «встреча с чудом», к которой обращаются многие православные авторы.

В *параграфе 1.1* «Идейно-эстетическое своеобразие миссионерской православной прозы» с опорой на православную метафизику выявлен религиозно-христианский взгляд на природу человека, которая, по мнению В.В. Зеньковского, *биполярна*, т. е. одновременно сопричастна Богу и не исключает активности паразитирующего греховного начала. В связи с данным тезисом наиболее остро встает вопрос об эволюции личности, о возвращении к изначальному замыслу Творца и преодолению биполярности, что происходит через церковь, постижение ее этической, метафизической и институциональной сущности. Специфической составляющей православной литературы XXI века становится идея *обожения*, т. е. достижения человеком образа и подобия Божия, что позволяет рассматривать проблему духовного развития не в отвлеченно-абстрактном русле, но в конкретном конфессиональном контексте.

В результате исследования были выявлены шесть моделей эволюции персонажей, раскрывающие качественное обновление души религиозного человека. К первой группе отнесены следующие модели: *неверие – начальные попытки духовного поиска*, *неверие – приход к вере*, *неверие – погружение в мир православной общины, воцерковление*. Их основные отличия друг от друга связаны со степенью принятия личностью теоцентрического мировоззрения, а также с концентрацией внимания автора на том или ином этапе внутренней трансформации персонажа. В первом случае речь идет о начальных, отчасти неосознанных и импульсивных попытках обращения к «надматериальному» вектору, во втором изображен переход персонажа из секулярного в церковное пространство как попытка спасения от страданий, в третьем раскрываются внутренние переживания верующего, пожелавшего целиком и полностью подчинить свою жизнь Промыслу.

Следующие три модели в большей степени связаны не с проблемой преодоления неверия, но с качественным обновлением религиозного чувства, как правило, верующего и воцерковленного индивида. К ним относятся *формальная религиозность – истинная вера*, *грех – покаяние*, *внешняя греховность – внутренняя праведность*. При этом наблюдается особая роль последней, которая призвана раскрыть личность в комплексе ее противоречий, единстве темных и светлых сторон, что способствует углублению психологизма, созданию на страницах литературных произведений узнаваемых жизненных реалий.

Исследование моделей духовной эволюции персонажа миссионерской прозы проведено с учетом особой роли ряда опорных ситуаций, с которыми сталкивается герой. К ним относятся: предстартовая (ПС), стартовая (СС), кризисная (КС), выбор-ситуация (ВС), а также финальная (ФС). Особая роль в данном контексте принадлежит кризису и выбору, последовательное сочетание которых формирует традиционную модель духовного преображения: приход к Богу через страдание и добровольный отказ от прошлой греховной жизни.

В качестве важнейшего богословско-философского вопроса, актуального для религиозной художественной прозы, рассматривается *Иов-ситуация*, которой посвящен параграф 1.2 «*Иов-ситуация* и специфика ее реализации православными авторами XXI века». В результате выявлено, что исследуемое явление раскрывается в трех аспектах: *болезнь – выздоровление, потеря – обретение семьи, потеря – обретение дома*. Отдельный акцент делается на выявлении специфики мотивного комплекса *прозрение – прощение*, который играет значительную роль во многих произведениях.

С нравственно-конфессиональной точки зрения на вопрос: «Кто он, человек-мученик?» – в православной литературе можно найти по крайней мере три ответа: а) нейтральный персонаж; б) праведник; в) грешник. Несколько градационных метафизических обоснований имеет и феномен страдания: наказание за грех; предостережение от греха; стимул к критическому осмыслению прошлого и принятию веры; импульс к переходу от формальной религиозности к истинной вере. Во всех приведенных случаях начальная точка испытаний героя сопоставима с предстартовой (выходящей за рамки основного сюжета) или стартовой начальной точкой, т. е. раскрывается на уровне завязки.

Мотив *наказание за грех* – явление довольно редкое, т. к. в анализируемой прозе отъявленный грешник или богоборец практически не фигурирует в качестве центрального героя; не часто он выступает и в качестве персонажа-искусителя. Исключение составляет лишь рассказ Н. Агафонова «Возмездие». Однако и здесь можно говорить о функционально пограничной позиции персонажа, поскольку наказание за отступление от пятой заповеди сопровождается открытием иной реальности – религиозно-церковной, что приобретает для него особую ценность в финале произведения.

В последующих параграфах в целях более детального изучения поэтики миссионерской прозы предложены и рассмотрены шесть названных выше эволюционных моделей.

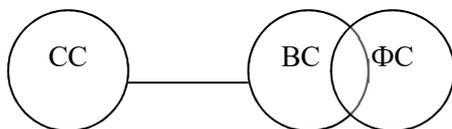
В параграфе 1.3 «Модель неверие – начальные попытки духовного поиска и ее инварианты» на материале произведения протоиерея Ярослава Шипова «Пеликан» выявляются признаки, специфичные для данной модели. К ним относятся: подробное изображение предстартовой и собственно стартовой (нередко латентной) ситуаций; описание перехода от стартовой к кризис-ситуации; множественный характер выбор-ситуации, которая может совпадать с другими этапами духовного перерождения человека; акцент на финальной ситуации открытого плана. Несколько по-иному представлены особенности указанной модели в рассказе того же автора «Должник». При панорамном воссоздании предстартовой ситуации и латентности стартовой подчеркивается наличие единственной выбор-ситуации, совпадающей с открытым финалом.

Сравнение двух рассказов дает возможность отметить их близость, выявляемую на образном и сюжетном уровнях. Во-первых, оба героя – Николай Николаевич и Петр Скрыбнев – изначально находятся в одинаковом состоянии безверия. Во-вторых, каждый из них интуитивно ощущает наличие высшего пласта бытия. Однако, оставаясь в начальной фазе становления, никто из них не достигает финала. Кроме того, очевидна разница и в самом типе эволюции Николая Николаевича и Петра Андреевича. Духовный поиск первого занимает меньшее количество времени (один зимний сезон на острове) и сопряжен с преодолением ряда бытовых трудностей и нравственных переживаний. Обстоятельства эволюции внутреннего мира Петра Скрыбнева противоположны: опасности, риск, страдания – все это остается для него в прошлом. Наступает спокойный период, не требующий подвигов и самопожертвования. Появившаяся в это время мысль о долге является следствием глубокой внутренней работы, благодаря чему нравственная трансформация героя растягивается во времени и не имеет четких хронологических границ.

В параграфе 1.4 «Модели неверие – приход к вере и неверие – погружение в мир православной общины, воцерковление» исследуются наиболее частотные для миссионерской прозы духовные изменения личности. Материалом для анализа послужили рассказы Николая Агафонов «Безработный», «Колдовские сети», «Утешение в старости», повести Александра Торика «Флавиан», Татьяны Шипошиной «Полигон». В каждом из них на первый план выходят духовные перевоплощения персонажа, его движение от индифферентности к религиозности с учетом этического, сакрального и институционального векторов.

В качестве финальных ситуаций указанная модель включает осознанное вхождение в храм в надежде изменить жизнь в будущем, чтение молитв впервые или после долгого перерыва, приобщение к церковным таинствам, обращение за советом или помощью к православному священнику. Осмысленный переход из светского в храмовое пространство, совершенный персонажами по доброй воле, является следствием возникшей в их душах надежды избавиться от противоречий и обрести желаемую внутреннюю гармонию. Этот переход обусловлен в большинстве случаев личной катастрофой, обнаруживаемой на этапе кризис-ситуации. Исключение составляет рассказ прот. Николая Агафонова «Командировка в иную реальность», где предлагается иной вариант общей конструкции.

Произведение включает три опорные точки внутреннего развития персонажа: стартовую ситуацию и выбор-ситуацию, совпадающую с финалом. При этом полностью выпадают предстартовая и кризис-ситуации, что обусловлено приходом к вере вполне счастливого человека, делающего выбор не в результате страданий, а в процессе радостного переживания самоощущений, связанных с открытием нового, ранее неизведанного мира.

Переступая порог православного храма, герой Н. Агафонова желает познать не абстрактное «высшее начало», но личного Бога, понимаемого в русле христианской традиции. Потребность же богопознания предполагает богообщение, подчинение собственной судьбы Его воле, что и материализуется поведенческой моделью персонажа.

В параграфе 1.5 «Модели грех – покаяние и внешняя греховность – внутренняя праведность и их реализация в миссионерской прозе» исследуются произведения, в которых центральный персонаж переживает состояние духовного падения, при этом от него требуется значительная внутренняя работа по восстановлению в себе Первообраза. В отдельных случаях представление о «падении» как доминирующей греховой черте человека живет в сознании окружающих его людей, что формирует стереотипные представления об индивиде как о носителе изначально искаженного нравственного начала. Исследовательский

материал включает произведения прот. Николая Агафонова «Красное крещение», «Друзья», «Соборный чтец», «Погиб при исполнении».

В свете отмеченного рассматриваются следующие параметры данной модели: во-первых, подробно раскрывается предстартовая ситуация; во-вторых, объясняется «непривлекательность» персонажа на стартовом этапе эволюции, порожденная чаще всего предшествующим кризисом; в-третьих, отмечаются сложности с выбор-ситуацией: она не всегда четко прописывается и в ряде случаев может полностью отсутствовать. Финал повествования, когда облик персонажа полностью обновляется, резко контрастирует с исходным положением.

Если сравнивать эту модель с предыдущими, то очевидными становятся ее два существенных отличия: во-первых, смещение КС в сторону ПС, а во-вторых, периферийный необязательный характер ВС. Первое объясняется тем, что, столкнувшись с кризисной ситуацией в прошлом и не найдя из нее выхода, человек в последующих проявлениях может обнажить негативные стороны натуры. Более того, кризис утрачивает заложенную в нем функцию духовного стимулятора, чем объясняется неутешительное состояние человека на период стартовой ситуации. Выбор может касаться отдельного частного момента жизни персонажа и не играть решающей роли в процессе перехода от неверия к вере или от формальной религиозности к истинному богопознанию. В отдельных случаях изображение выбор-ситуации (одной или нескольких) сочетается с демонстрацией ложного выбора, что способствует формированию художественного образа, объединяющего как высокие духовные устремления, так и обычные человеческие слабости. Такое сочетание в высшей степени жизнеподобно, будучи своеобразной иллюстрацией той «биполярности» (греховности и праведности одновременно), о которой писал В.В. Зеньковский.

Параграф 1.6 «Двойные модели духовной эволюции персонажа: содержание и структура» содержит анализ романа прот. Алексия Мокиевского «Незавершенная литургия», повести Бориса Спорова «Монах-Спаситель», рассказов прот. Николая Агафонова «Утешение в старости», «Отшельник поневоле», «Благоразумный разбойник», «Мы очень друг другу нужны». Здесь же рассмотрена модель *формальная религиозность – истинная вера*.

В параграфе выявляется специфика двойных моделей, свойственных двум эволюционирующим героям, одновременно выступающим по отношению друг к другу в качестве помощников на пути духовно-

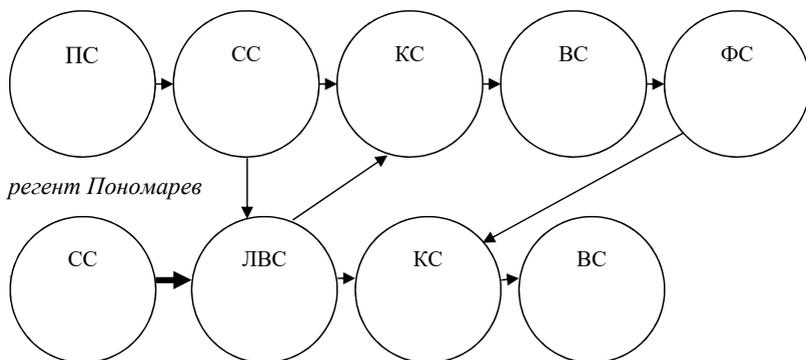
го становления. Их присутствие в тексте говорит о стремлении авторов уйти от однозначно резонерского выстраивания образной системы *эволюционирующий персонаж – персонаж-помощник*, где последний воспринимается как носитель абсолютной истины, некий посланник Небес, призванный привести заблудшего к истине. Напротив, при наличии двойных моделей каждый из персонажей проходит свой индивидуальный путь внутренней трансформации, одновременно принимая на себя роль помощника по отношению к другому.

Двойные модели классифицируются по содержательному и хронологическому принципу. С точки зрения содержания эволюционные модели каждого персонажа совпадают по своим начальным и финальным показателям (например, *неверие – обретение веры* в рассказе «Друзья» или *грех – покаяние* в произведении «Мы очень друг другу нужны»). Во втором случае оба героя проходят индивидуальный путь духовного возрастания, однако эволюция каждого из них была бы невозможна без тесного взаимодействия (*формальная религиозность – истинная вера / неверие – первые попытки духовного поиска* («Отшельник поневоле») или *формальная религиозность – истинная вера / внешняя греховность – внутренняя праведность* («Благоразумный разбойник») и т. д.).

Согласно хронологическому принципу, двойные эволюционные модели могут быть симметричными и асимметричными. В первом случае оба героя проходят эволюционный путь в одних и тех же временных и пространственных рамках, что можно наблюдать во многих рассказах прот. Николая Агафонова, где фигурируют два центральных персонажа. Наиболее яркие примеры асимметрии выявляются в романе прот. Алексия Мокиевского «Незавершенная литургия», центральные персонажи которого – люди, различные по возрасту и духовному опыту. Этапы их внутреннего развития приходятся на разное время, однако произошедшая на определенном этапе встреча дает новый импульс к самосовершенствованию каждого.

В процессе раскрытия двойных моделей вводится понятие *ситуационная скрепа* – устойчивая связь, возникающая между опорными точками-ситуациями двух персонажей. При анализе их становится понятным, какой из этапов жизни одного человека в большей степени воздействует на другого, а также раскрывает специфику единения эволюционного и «помощнического» начал в судьбах героев. Данные особенности определяют специфику рассказа «Благоразумный разбойник».

Петр Степанович

регент Пономарев

Таким образом, в цепочке основных этапов эволюции персонажа важнейшее место занимают кризис- и выбор-ситуации. Анализ ряда произведений позволяет говорить о наличии традиционных моделей, раскрывающих приход человека к вере и базирующихся на последовательном воспроизведении всех выделенных опорных ситуаций: предстартовой, стартовой, кризисной, выборной и финальной. Иначе говоря, неверующий герой проходит через серьезные испытания, критически переосмысливает прошлую жизнь и делает выбор в пользу православия, после чего обретает душевную гармонию. Можно утверждать: посредством разработки двойных и вариативных моделей православные писатели постепенно уходят от этически однозначных форм психологического художественного психологизма.

Так, вариативность эволюционных моделей чаще всего реализуется с помощью различных повествовательных стратегий. Во-первых, это может быть выпадение кризисной или выборной ситуаций (в рассказе прот. Николая Агафонова «Командировка в иную реальность» герой приходит к вере не через боль и разочарование, а через радость познания нового мира и людей). Во-вторых, напротив, описание множественности ситуационных положений (произведения того же автора «Утешение в старости» и «Благоразумный разбойник»). В-третьих, автор может усилить акцент на ложной выбор-ситуации (рассказы Н. Агафонова «Друзья», «Колдовские сети», «Благоразумный разбойник», повесть С. Козлова «Время любить»), указывая на то, что для персонажей, считающих себя верующими и даже воцерковленными, не исключены состояния нравственного падения, как, впрочем, и возможность их преодоления через покаяние. В итоге возникновение ложной

выбор-ситуации и, как следствие, кризиса в финале произведения, с одной стороны, аннулирует проделанный персонажем путь духовного восхождения, а с другой – показывает сложность и окончательную незавершенность (в земной жизни) процесса богопознания (наиболее показательна в этом плане повесть Б. Спорова «Монах-Спаситель»).

Вторая глава диссертационного исследования «**Приходская проза как литературный феномен**» посвящена исследованию одной из знаковых разновидностей современной православной словесности, включающей широкий пласт произведений, авторы которых представляют сельское духовенство. Разумеется, предметом размышлений любого православного священнослужителя, ставшего на путь писательства, является широкий спектр социальных, нравственных, философских проблем российского общества рубежа XX–XXI веков. С этой точки зрения функционально противопоставлять сельский приход городскому или «большой» – «малому» абсолютно неправомерно, поскольку задача одна: объединение верующих в свершении главного литургического Таинства – Евхаристии.

Круг членов сельской церковной общины, ставших персонажами художественных произведений, поистине широк; в него могут входить как вполне законопослушные граждане, так и асоциальные, деклассированные элементы. Более того, сельский священник сверх собственно церковных проблем и богослужебной практики должен решать чисто хозяйственные задачи и даже в процессе исполнения треб, закрепленных строгим канонам, учитывать официальный статус односельчан, по-особому общаясь, например, с представителями местных властей, поскольку от личного расположения чиновников во многом зависит благосостояние общины. Но в любом случае в жизненном пространстве современного русского села сакральным и социальным центром остается храм; шире – приход, аккумулирующий метафизический, этический, институциональный, психологический, бытовой аспекты существования сельской церковной общины. Именно единство перечисленных факторов дает возможность говорить о приходской прозе как о едином художественном и эстетическом феномене.

Как правило, свои впечатления, мысли, эмоции авторы фиксируют в небольших заметках и рассказах очеркового типа. Но в последние годы читатель сталкивается с укрупнением жанровых форм: дневниковые записи выливаются в повести, фрагменты богослужебных журналов формируются в книгу (яркий пример – творчество свящ. Александра Шантаева). Именно институциональный аспект церковной жизни позволяет пишущим приходским священникам более широко и многогранно изображать жизнь современной российской глубинки.

Для приходской литературы характерно столкновение в авторском сознании двух мировоззренческих систем: должной (идеальной) и реально существующей. Их анализ проводится в *параграфе 2.1* «Идейно-тематическое своеобразие приходской литературы: конфликт ментальных моделей».

Священник-повествователь, погружаясь в жизнь русского села, знакомясь с социальными, нравственными, психологическими особенностями жителей отечественной глубинки, постепенно начинает ощущать разницу между церковно-догматическими и народными представлениями о вере, что способствует возникновению трех типов конфликтности: *латентного, конформистского и враждебного*.

Моменты столкновения двух мировоззренческих моделей присутствуют в рассказах Я. Шипова («Письма к лешему»), А. Шантаева («Визит к колдунье»), А. Лисняка («Покровские летуны», «Песня про гробы», «Наше наследство»). Их персонажами являются носители своеобразного «тайного знания», колдуны и ведьмы, категоричные в своем антихристианстве и предлагающие людям собственную обрядовую систему утилитарного плана: лечение от болезней, помощь в быту, избавление от порчи, ночных посещений покойника и пр.

Проблема столкновения ментальных моделей становится очевидной при обращении к представлениям сельских прихожан о Царстве Небесном и посмертии, которые дифференцируются по уровням: индивидуально-авторскому, наивно-детскому, апокрифическому (народно-эсхатологическому), апостасийному. Следует отметить, что по мере перехода от одного уровня к другому наблюдаются постепенный отказ от традиционно-догматического понимания метафизической судьбы человека в системе *жизнь – смерть – суд – посмертная участь*, а также усиление роли обряда как фактора, определяющего характер будущего загробного существования. Наиболее полно этот мотивный комплекс отражен в сборнике прот. Алексея Лисняка «“Сашина философия” и другие рассказы». Практически во всех произведениях рассказчик и его персонажи в той или иной степени размышляют о райской жизни, пытаются найти и выстроить систему соответствий и ассоциаций в парадигме *земное / небесное; временное / вечное*.

Оппозиционный характер *земля / рай* проявляется именно в тот момент, когда рассказчик или близкие ему по духу персонажи сталкиваются с сугубо бытовым, прагматическим или открыто материалистическим мировоззрением. В числе таких ложносвидетелей оказываются люди, не познавшие или не принявшие церковно-христианский образ жизни: убежденные атеисты («Атеист»), поклонники Бахуса («Аргументы и факты», «Всякое дерево, или Подпорка для безработицы»,

«Как стать успешным»), носители «альтернативной духовности», или «народной веры», предлагающие особую обрядово-ритуальную практику («Песня про гробы», «Наше наследство»).

В *параграфе 2.2* «Отражение богослужебно-обрядового комплекса предсмертного цикла» особое внимание уделено богослужебно-обрядовой стороне священнического служения, анализ которой также позволяет говорить об остроте противоречий массового и индивидуального сознания современного Homo sapiens'a. Так, таинства предсмертного цикла (исповедь, причастие, соборование) позволяют раскрыть психологические и духовно-мировоззренческие стороны жизни человека, находящегося на границе времени и вечности. Изображение посмертного обрядового комплекса (отпевание, панихида) более раскрывает социально-бытовой контекст происходящего.

Среди таинств предсмертного цикла особое внимание уделяется исповеди. Классифицировать представленные в приходской литературе исповедальные модели можно по принципу сочетания ритуальных формул и ситуаций искреннего индивидуального покаяния. В этой связи выделяются три основных исповедальных модели.

1. *Совершённая исповедь* (речь идет о глубоком духовном очищении человека как основе обожения).

2. *Частично совершённая, или формальная, исповедь*. Данная модель возникает в том случае, если внешняя сторона таинства соблюдается, однако со стороны исповедуемого не проявляются чувства искреннего покаяния. Тогда мотивы глухоты, слепоты, окостенелости, мертвенности (рассказ А. Шантаева «На дому») следует интерпретировать не столько в физиологическом, сколько в духовно-метафизическом плане.

3. *Несовершённая исповедь*. В этом случае священник или исповедуемый категорически отказывается от участия в таинстве. Чаще всего причиной отказа являются не только атеистические убеждения, но и страх исповедуемого перед неизведанным, порождающий браваду и вызывающее поведение.

Однако, независимо от обстоятельств, таинство исповеди, с различных позиций осмысленное в приходской прозе, можно считать одним из наиболее продуктивных сюжетных элементов.

В *параграфе 2.3* «Особенности изображения обрядов посмертного цикла» рассматриваются два типа изображения священнодействий с учетом следующих факторов: а) характер восприятия рассказчиком происходящих событий и б) степень масштабности событийного охвата. В первом случае предполагается выделение коллизий: традиционный способ свершения обряда; «спор с Богом»; антагонистический; отказ от сакрального действия.

Из перечисленного ситуация «спор с Богом» – довольно редкое явление в приходской литературе, в силу чего оно заслуживает особого внимания. Таким способом раскрывается относительная двойственность сознания, проявляющаяся в экстремальные минуты. С одной стороны, священник должен четко следовать религиозным принципам, с другой – не всегда находит в себе силы бесстрастно принять случившееся. Так, в рассказе А. Шантаева «Тяжкие проводы» сельскому батюшке предстояло отпевать молоденького солдата. Очевидно, что смерть и связанные с ней обряды – объективная реальность, к которой сельский священник по обязанности привыкает. Однако же определение «тяжкие», вынесенное в название произведения, раскрывает остроту и драматизм восприятия пастырем, казалось бы, привычного (и в какой-то мере обыденного) для него события: «нестерпимо жалко мальчишку».

С учетом степени масштабности событийного охвата обряды посмертного цикла подразделяются на *локальные* с элементами социально-психологического обобщения; *локальные* с системой ретроспективных компонентов; *развернутые* во времени и пространстве.

В последующих параграфах второй главы на ведущее место выходит анализ социально-психологических аспектов коллизий, отраженных в приходской литературе. В целях систематизации материала предложены следующие персонажные модели, раскрывающие специфику взаимодействия священника-повествователя с мирянами и представителями духовенства: *пастырь – сопутствующий*; *пастырь – паства*; *пастырь – пограничный*; *пастырь – пастырь*.

В процессе характеристики образа *сопутствующего персонажа* (параграф 2.4 «Специфика персонажной модели *пастырь – сопутствующий*») на основании функционального критерия выявлено несколько типов сельских прихожан, входящих в круг ближайшего окружения пастыря: *вестник*, *информатор*, *комментатор*, *иллюстратор*. Кроме того, предпринята попытка раскрыть специфику возникновения и проявления сопутствующего персонажа, в результате чего получила обоснование моделирующая парадигма: *сопровождение*, *неожиданное появление*, *случайная реплика*, *вторичное действие*. Предложен также ряд моделей взаимодействия сопутствующего персонажа с пастырем и членами приходской общины: *передача сведений информативного или комментирующего характера*; *реплика-иллюстрация обобщающего характера* (адресованная кому-либо или безадресная); *обращение за советом*, *просьба о содействии*; *совет*, *предостережение*; *несогласие*; *жалоба*.

По поставленной задаче параграф 2.5 «Пастырь и паства в приходской прозе: специфика взаимодействия» ориентирован на раскры-

тие особенностей данной персонажной модели. В отличие от сопутствующего персонажа, рядовые члены паствы не обладают функциями помощника пастыря, не несут каких-либо постоянных послушаний в храме, а являются лишь участниками богослужебной стороны жизни прихода. Здесь же присутствуют размышления священника о распределении гендерных ролей среди членов сельской церковной общины, отмечающие доминирующую роль женщины, хранительницы обычаев и традиций.

Специфика изображения рассказчиком прихожан включает два подтипа, которые можно обозначить при помощи рабочих терминов: а) *латентный*; б) *активный*. Как правило, переход от латентной формы общения к фазе активного взаимодействия происходит в ситуации *узнавания*. Под последним понимается многоступенчатый социопсихологический процесс раскрытия «тайны» того или иного члена приходской общины, на которую первоначально указывает знаковая деталь, привлекающая внимание или вызывающая удивление (недоумение) повествователя.

Кроме того, выявлены три типа изображения представителей паствы: *индивидуальный*, *индивидуально-групповой*, *обобщенный*. Последний тип раскрывается в двух контекстах: богослужебном и внехрамовом. В первом случае наблюдается стремление к сближению пастыря и паствы; второй может предполагать наличие определенного уровня конфликтности.

В параграфе 2.6 «Своеобразие модели *пастырь – пограничный персонаж*» анализируются разновидности *пограничного статуса* человека, изначально принадлежащего секулярному миру, но вынужденного вступить в процесс коммуникации с настоятелем сельского прихода. Приобретение данного статуса может быть обусловлено мировоззренческими (метафизическими) или сугубо практическими причинами. Внутренняя динамика персонажа, обладающего метафизически инспирированным статусом, соответствует модели *мотив – препятствие – преодоление / возвращение*. Выделяются следующие мотивы, способствующие переходу персонажа к пограничному статусу: тяжелая болезнь, подготовка к смерти; столкновение со сверхъестественным; жизненные испытания, не связанные со смертельной опасностью; внутреннее стремление к вере, не обусловленное внешними обстоятельствами.

В приходской прозе выделяются также типы персонажа, чей пограничный статус обусловлен мировоззренческими стимулами метафизического плана. Это *переходно-векторный*; *переходно-импульсный*; *пе-*

реходный с инерционной составляющей; «застревающий»; возвратно-утилитарный; возвратно-протестный типы.

При метафизически немотивированном пограничном статусе в качестве определенной макросистемы рассматриваются контексты кратковременной встречи и длительного пересечения. Специфические особенности *кратковременной встречи* раскрываются в ситуациях-микросистемах: *совместная поездка, визит к священнику, случайная встреча*. В данном случае выделяются следующие типы пограничных персонажей: *ироничный; асоциальный; контрастный; сочувствующий; персонаж-лицедей*.

Стратегия *длительного пересечения* связана с ситуациями взаимной выгоды (наем человека для выполнения ремонтных или хозяйственных работ). Данная ситуация позволяет акцентировать еще один тип пограничного персонажа – *комбинированный*, сочетающий признаки человека асоциального поведения и персонажа-лицедея.

В *параграфе 2.7* «Персонажная модель *пастырь – пастырь*» выявляются три видовые подсистемы указанной модели: *пастырь – архипастырь; пастырь – начальствующий; пастырь – пастырь*.

В целях раскрытия приемов создания персонажей-епископов предлагается типология образов архипастырей, учитывающая индивидуальные качества, уровень и особенности реализации управленческих функций, наличие у них особого духовного дара. С точки зрения первого условия выделяются два основных типа: *молитвенник* и *интеллигент*. Функциональный принцип позволяет рассмотреть более детально образы *епископа-администратора* и *епископа-реформатора*. Обладателем особого духовного дара становится *архиерей-провидец*.

С каждым типом архиерея связаны определенные ситуационные модели взаимодействия с пастырем-повествователем. К ним относятся: беседа один на один (интеллигент, администратор, молитвенник), передача духовного опыта (молитвенник, провидец), хиротония (провидец), богослужение, проповедь (молитвенник). Наиболее широкий диапазон ситуационных моделей характерен для архиерея-реформатора (богослужение, проповедь, официальное мероприятие, торжественный обед). Вне богослужебного или церковно-административного контекста чаще всего представлен епископ-интеллигент.

Персонажная модель *пастырь – начальствующий* раскрывает специфику взаимоотношений пастыря со священнослужителями, равными по иерархическому статусу, но наделенными дополнительными административными полномочиями. Данный уровень предполагает наличие следующих коммуникативных обстоятельств: *деловая встреча; встре-*

ча на бегу; внезапное появление; голос в трубке (телефонное общение); послание; выступление от лица духовенства. К основным функциям начальствующих духовных лиц следует отнести посредническую, вестническую, корректирующую, информативную, представительскую.

Видовая модель *пастырь – пастырь* включает два уровня реализации: наставнический и товарищеский. Первый раскрывается в следующих ситуациях: подготовка будущего служителя к рукоположению; передача опыта молодому священнику; оказание помощи пастырю в решении сложных духовных вопросов. На первый план выдвинуты установка на иерархичность и четкое распределение ролей между слушающим и говорящим. Типичным локусом взаимодействия персонажей становится храмовое или монастырское пространство. Система образов в данной ситуации может быть охарактеризована как замкнутая, не требующая участия третьих лиц при коммуникации пастыря (подслушника, ставленника) и его наставника.

Товарищеский уровень не предполагает иерархичности в отношениях между священнослужителями и характеризуется равноправием обоих персонажей в системе взаимодействия. Его сферой являются ситуации поддержки в трудных жизненных обстоятельствах, реализации общих интересов и поиски выхода из курьезных случаев. В подобном контексте локусом взаимодействия выступает внехрамовое пространство. Система персонажей обладает, как правило, открытым характером и предполагает наличие иных участников коммуникации, а также свидетелей. Исключение составляет ситуация *реализация общих интересов*.

В качестве исключения следует рассматривать соединение наставнического и товарищеского уровней (рассказ А. Шантаева «Соборование»), что позволяет судить о возникновении особого типа взаимодействия персонажей – *комбинированного*. Для данного типа характерно, при открытости функционально-образной системы, обязательное наличие церковно-богослужебного локуса.

В **третьей главе** диссертационного исследования **«Книга архимандрита Тихона (Шевкунова) “Несвятые святые” и другие рассказы: жанровое и художественное своеобразие»** раскрывается художественная уникальность произведения, которое, опираясь на выявленные традиции православной словесности, сочетает черты миссионерской и приходской прозы, а также обладает специфическими качествами, формирующими в совокупности особый феномен – монастырскую литературу.

В *параграфе 3.1* «Книга архимандрита Тихона (Шевкунова) “Несвятые святые” и другие рассказы» в контексте православной художе-

ственной литературы XXI века: черты миссионерской и приходской прозы в произведении» доказывается, что с миссионерским художественным направлением книгу связывает наличие определенных моделей духовной трансформации человека: *неверие – погружение в мир православной общины, воцерковление; неверие – приход к вере; грех – покаяние; внешняя греховность – внутренняя праведность*. В то же время в ряде случаев наблюдается их индивидуально-авторское истолкование. Так, если модель *неверие – погружение в мир православной общины, воцерковление*, как правило, реализуется через сочетание кризис- и выбор-ситуации, что характерно для творчества Н. Агафонова, В. Лялина, Б. Спорова, М. Козлова, Т. Шипошиной и др., то у архимандрита Тихона масштабная кризис-ситуация, ставшая поворотным звеном при обращении повествователя к вере, отсутствует. Принятие теоцентризма чаще всего становится результатом не пережитых страданий, но актом радостного приятия новой реальности. Моделями же, широко представленными как в приходской литературе, так и в книге «“Несвятые святые”...», являются *пастырь – пастырь* и *пастырь – пограничный*.

Элементы приходской литературы в книге «“Несвятые святые”...» рассматриваются в свете изображения таинств предсмертного цикла, отображенных, как отмечалось, в повестях и рассказах А. Шангаева, А. Дьяченко, Я. Шипова, А. Лисняка и др. Из исследованных во второй главе исповедальных моделей в книге наиболее продуктивной у архимандрита Тихона целесообразно считать *совершённую исповедь*, однако не менее выразительно при этом представлена ситуация *отказа от таинства*. Следует также заметить, что в прозаическом сборнике изменился контингент исповедников. Если в приходской литературе его составляли деревенские жители (преимущественно пожилые женщины), то в данном случае речь идет о представителях столичной интеллигенции, людях творческих профессий.

Более того, наблюдается увеличение количества социально-коммуникативных персонажных моделей, что связано с авторитетом и иерархическим статусом повествователя. В частности, к не имеющим аналогов в приходской литературе можно отнести дуальные пары: *повествователь – пастырь; повествователь – равный; повествователь – внешний*. При этом первая «скрепа» характеризуется наличием видовых подуровней: *повествователь – старец; повествователь – монах; повествователь – начальствующий*. К типичным ситуациям, разворачивающимся в рамках указанных моделей, относятся *благословение, предостережение, предвидение, укор, беседа*. Многие моменты восходят к

практике духовничества, т. е. включают элемент тайнознания, не имеющий, разумеется, никакого отношения к лжемистическому гуруизму, об опасности которого всегда предупреждали Отцы Церкви.

Анализ жанровой специфики произведения показал наличие двух доминантных начал (что не исключает обращение автора к иным жанровым канонам): литературная исповедь и проповедь.

В параграфе 3.2 «Традиции жанра литературной исповеди в книге архимандрита Тихона (Шевкунова) *“Несвятые святые” и другие рассказы*» доказывается, что исповедь связана с идеей внутреннего перерождения человека, происходящего на протяжении всей его жизни. Кроме того, с ее помощью повествователь свидетельствует об уникальном стечении жизненных обстоятельств, каждое из которых в отдельности убеждает в активности Божьего Промысла, незримом присутствии Творца в судьбе человека.

Параграф построен на систематизации богатейшего и разнообразного материала, основанного на выделении двух ведущих циклов (блоков): а) *судьбы*; б) *события*. Следует отметить, что их выделение целесообразно прежде всего на идейно-тематическом уровне, поскольку рассказы из разных блоков представлены в свободной последовательности и имеют склонность к чередованию. В отдельных случаях они могут составить единый микроцикл: например, в заключительной части книги несколько финальных текстов посвящены личности и судьбе иеромонаха Рафаила (Огородникова). При этом образ священнослужителя встречается и в иных главах, относящихся к другим ранее выделенным тематическим циклам. Таким же «сквозным» персонажем следует признать и архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Несмотря на то, что ему посвящена довольно объемная глава («Отец Иоанн»), образ старца появляется во многих последующих рассказах, которые включают воспоминания об эпизодах из жизни подвижника, прозрениях, наставлениях, советах священнослужителя.

Блок *судьбы* представляет собой жизнеописание, как правило, носителей уникального духовного опыта. Речь идет о старцах Псково-Печерского монастыря Иоанне, Серафиме, Нафанаиле, Мельхиседеке, Адриане, наместниках Алипии и Гаврииле, архиереях Питириме, Василии, матушке Фросе и др. Духовные метаморфозы рассказчика в процессе общения с некоторыми из них свидетельствуют о некогда имевшем место конфликте *Я-прошлого* и *Я-нынешнего*, который проходит через все произведение и особенно рельефно представлен в цикле судеб. Однако это противоречие обладает не разрушительным, но созидательным характером, духовно обогащающим и возводящим к пони-

манию окружающей действительности в единстве ее физических и метафизических законов.

В контексте цикла *судьбы* выделяются следующие его художественные параметры: а) доминирующая роль личностных качеств центрального персонажа; б) включение биографических и агиографических элементов; в) создание портретной характеристики; г) изображение персонажа в быту; д) передача фрагментов беседы персонажа с повествователем или с третьими лицами; е) изображение героя перед смертью, ситуация *последняя встреча*.

Говоря о безоговорочной доминанте личностного начала в контексте цикла *судьбы*, мы подчеркиваем, что для повествователя важны неординарные события, большей частью исключительные, когда личность персонажа раскрывается под интенсивным воздействием позитивной энергии, благодати или в аспекте ситуации *встреча с чудом*. Подобными эпизодами наполнены биографии многих подвижников прошлого, и, как доказывает книга архимандрита Тихона, в этом плане настоящее – не исключение.

Цикл *события*, как и тематический блок *судьбы*, связан с явлениями духовного характера, проявляемыми в реальном мире и понимаемыми автором не как случайности или совпадения, а как воздействие Высшей воли на человеческую жизнь, свидетельство незримого присутствия Бога в повседневной жизни человека. На примере данного цикла раскрывается также двойственный характер восприятия одних и тех же обстоятельств с позиции православного мировоззрения и секулярной ментальности. Ряд жизненных эпизодов, которые религиозно индифферентным мирянином могут быть интерпретированы как случайность, носителями православного сознания воспринимаются как свидетельство тесной связи высшего и земного миров. В частности, конкретный случай подобного рода подчеркнут Тихоном Шевкуновым «говорящим» названием одного из рассказов: «Что происходило в духовном мире в эти минуты?».

В блоке *события* часто показывается ограниченность логического прагматизма, подвергающего сомнению категории «невозможность» и «прецедентность». Повествователем же доказывается обратное: молитвенное обращение человека к Всевышнему способно изменить реальность вопреки, казалось бы, незыблемым законам, тем более существующим житейским стереотипам. С подобными явлениями читатель сталкивается в главах «Августин», «О том, что нельзя совмещать служение Слову и заработок», «О том, как мы покупали комбайны» и т. д. В указанных главах изображены, на первый взгляд, безвыходные си-

туации, разрешение которых по всем законам земной логики не представляется возможным. Так, в рассказе о комбайнах говорится о краже крупной денежной суммы бухгалтером-аферистом из монастырской кассы. Заверения высокопоставленного работника прокуратуры о невозможности возврата денег вызывают резкое несогласие повествователя, который ссылается на силу молитвы. В результате как бы «сама собой» образуется цепь «случайных» обстоятельств, приведших к аресту преступника и возврату монастырских финансов.

Анализируя художественное своеобразие циклов *судьбы* и *события*, мы отмечаем открытую ориентацию первого на монастырский или приходской локус и связь с богослужебно-обрядовым комплексом. Персонажами соответствующего повествования чаще всего становятся насельники обителей, а многие знаковые духовные откровения происходят во время священнодействий. Цикл *события* имеет меньшую монастырскую закрепленность, больший диапазон локаций.

В книге встречаются главы различных блоков монастырского, приходского, московского, зарубежного и т. д. Пытаясь разрешить сложную жизненную ситуацию, повествователь часто оказывается в роли путешественника или паломника, посещая различные (не только святые) места России и за рубежом. Так, в главе «Августин» маршрут рассказчика включает Псково-Печерский монастырь, Троице-Сергиеву лавру, колхоз в Омской области, монастырь в Германии; при этом стартовой и финальной точками является Москва.

Персонажно-образная система в цикле событий является более разветвленной и включает представителей многих общественных слоев, различных по своему отношению к вере и церковной жизни. Если в главах, посвященных жизнеописанию старцев, чаще всего фигурируют верующие (монахи, послушники, паломники), то цикл *события* довольно часто обращается к жизни светских людей: представителей творческой интеллигенции, военных, работников следственных органов, ученых, чиновников.

Несмотря на внешние отличия, оба цикла тесно связаны между собой. В произведении четко просматривается единый идейно-тематический вектор, раскрывающий глубокую связь горнего и дольного миров и способствующий разрушению неверия сомневающимся в непреодолимости законов земного бытия.

Наряду с этим наблюдается постепенная психологическая трансформация персонажей. Изображенные в произведении встречи, беседы, наблюдения рассказчика, удивительные стечения обстоятельств, сложные жизненные коллизии – все это формирует почву для глубоко-

го внутреннего осмысления, требующего как внутренней оценки, так и своеобразной диалогичности, поисков «адресата» литературной исповеди. Кроме того, сам повествователь показан на различных ступенях церковной иерархии; при этом его движение от неопитства к статусу наместника воспроизведено не столько линейно, в реальной биографической последовательности, сколько в стадиях духовного роста и самоуглубления.

Материал, представленный в *параграфе 3.3 «Жанр проповеди в структуре произведения “Несвятые святые” и другие рассказы»*, позволяет говорить о формировании «проповеднических контекстов», которые включают события, предшествующие произнесенному поучению или следующие за ним, отражающие своеобразные «результаты» или «антирезультаты» сказанного слова. Данные контексты включают следующие элементы: «священный текст», «событие», «дополнительный текст», «дополнительное событие». Следует отметить, что «священный текст» всегда является частью проповеди, он не отменяет соединения институционального и житейски-бытового аспектов, но в отдельных случаях возникает своеобразная «редукция» слова, что приводит к формированию так называемой *молчаливой проповеди*.

Для проповедей, включенных в корпус книги «“Несвятые святые”...», характерны уникальные сочетания компонентов «текст» и «событие», которые могут быть представлены как внутри проповеди, так и за ее пределами, формируя широчайший проповеднический контекст. Последний, помимо проповеди как таковой, включает ряд событий или явлений, располагающихся за рамками жанра, но имеющих непосредственную связь с ним. Эти явления могут быть сопряжены с замыслом будущей проповеди, ее последствиями, а также служить иллюстрацией к сказанному. К ним же следует отнести размышления автора о внутреннем облике проповедника, даре красноречия и своеобразной «молчаливой проповеди», при которой воздействие на человека достигается не с помощью слов, а через личный пример пастыря, обладающего искренней верой.

Во-первых, в книге речь идет большей частью о полноформатной проповеди, посвященной праздничному событию или толкованию евангельского текста, когда проповедь вписывается в богослужебно-литуургическое храмовое пространство (глава «Проповедь в воскресенье 23-е по Пятидесятнице»).

Во-вторых, проповедь может являться частью широкого наставнического контекста, который наряду с ней формируют дополнительные события и тексты, содержательно и структурно связанные с глав-

ной мыслью, отраженной проповедником. Данный контекст, обладая явным литургическим ядром, не ограничивается им и выходит за пределы конкретного времени и пространства. Пример тому можно найти в главе, посвященной монашескому постригу.

В-третьих, проповедь, как показано архимандритом Тихоном, может быть представлена в редуцированном виде: на уровне замысла и на фоне общей тематики. Специфический проповеднический контекст в данном случае составляется событием, которому будет посвящено пастырское слово.

Еще одним примером изображения проповеди в редуцированном формате становится включение в текст произведения отдельных реплик, фрагментов поучений монахов Псково-Печерской обители, тесно связанных с их биографией и высвечивающих, как правило, острые, порой конфликтные, стороны их судеб. В этом случае проповедь становится одним из средств характеристики персонажей.

Наконец, в книге «“Несвятые святые”...» отражен, как отмечалось, феномен *молчаливой проповеди*, при которой воздействие на человека достигается не с помощью слов, а через личный пример пастыря. Можно сослаться на главы, посвященные жизни иеромонаха Рафаила (Огородникова).

При исследовании художественного своеобразия рассказов архимандрита Тихона становится очевидной особая роль мотива *вход / выход* (параграф 3.4 «Особенности мотива *вход / выход* в книге “Несвятые святые” и другие рассказы»), актуальность которого возрастает в связи с особым монастырским локусом произведения. Преодоление персонажами границы секулярного и монастырского пространств связано с определенным набором психологических и духовных испытаний, а порой и конфликтных ситуаций, анализ которых позволяет глубже понять внутреннюю динамику как повествователя, так и представителей его окружения. Исследование данного мотива проводилось с учетом внутреннего настроя и иерархического статуса героев произведения.

Анализ мотива *вход* дает возможность выстроить и обосновать, исходя из мотивационного критерия, классификацию, которая включает следующие компоненты: *свободный вход*; *вход при содействии иного лица*; *вход с экскурсией*; «*вторжение*». Ситуация «*вторжение*» подразумевает ряд видовых подуровней: «*вторжение*» с намерением *возвратить родственника*; «*вторжение*» по идеологическим причинам; «*вторжение*» из хулиганских побуждений; *вторжение с целью совершения обмана / преступления*.

Мотив *выход* также предполагает несколько типов. Для мирян характерными являются *свободный выход*; *выход за послушание*; *выход без благословения* (последний обладает особым конфликтным потенциалом). Для монашествующих же выход за пределы монастыря при любых обстоятельствах сопряжен с переживанием острой внутренней конфликтности. Это может быть отказ от исполнения *послушания*; выход в знак *протеста*; нарушение *обета*.

Отдельно в главе рассмотрены особенности ситуации выхода применительно к персонажам, осуществившим вторжение на территорию обители. В данном случае обосновывается наличие следующих типов преодоления границы монастырского и секулярного пространств: *выход-примирение*; *выход-поражение*; *выход, сопряженный с негативными последствиями*; *побег*.

На протяжении всего произведения читатель наблюдает, как повествователь и иные персонажи переходят из одного пространства в другое. При этом основные акценты ставятся на специфике внутренних изменений, происходящих в людях в момент перехода и на последующих этапах. Наряду с изображением погружения большинства героев в мир русского православия, в книге приводятся примеры обратного вектора, связанного с возвращением людей к секулярному образу жизни.

В нашей работе анализ мотива *вход / выход* произведен с учетом преимущественно узкого контекста, т. е. применительно к Псково-Печерской обители (в отдельных случаях рассмотрены эпизоды из жизни Сретенского монастыря), что позволило сосредоточить внимание на биографическом материале, широко представленном в произведении. Вполне естественно, что в таком контексте понятия «православный / церковный мир» и «монастырское пространство» синонимичны.

В **заключении** диссертации подводятся итоги, обобщаются результаты исследования, определяются основные перспективы.

Понимая, что православная художественная литература сегодняшнего дня – явление многоплановое, мы не ставили перед собой задачу дать ее исчерпывающий анализ. Основное внимание было уделено двум наиболее ярко представленным в рамках современного литературного процесса жанровым направлениям: миссионерской и приходской прозе.

Миссионерская проза активно прибегает к способам изображения духовной эволюции персонажей посредством *кризис-* и *выбор-ситуаций*, их вариативных сочетаний. Анализируемый материал предоставил также возможность на примере конкретных художественных текстов выявить основные черты современной *Иов-ситуации*, определить функциональное содержание образов и мотивов, восходящих

к библейскому источнику (*бунт, прозрение, прощение*). В процессе характеристики приходской литературы акцентировано единство сакрального и институционального ракурсов при освещении авторами священнослужителями сельских приходов. При этом институциональный аспект, на наш взгляд, позволяет пишущим приходским священникам глубже и адекватнее вникнуть в противоречия жизни российской глубинки на всех уровнях сознания и бытия. В формате прямого и косвенного творческого диалога с православными авторами подчеркнута уникальность книги архим. Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы». Ее особое место в православной словесности нашего времени обусловлено, на наш взгляд, не только синтезом тенденций миссионерской и приходской литературы, но и наличием параметров особой – монастырской – прозы – как тематически, так и в плане поэтики.

Перспектива настоящего исследования также многопланова. Представляется актуальным соотнести произведения православных авторов с творчеством светских писателей, затрагивающих православно-церковную тематику (В. Личутин, З. Прилепин, Е. Водолазкин и др.), что позволит воссоздать более полновесную картину современного литературно-художественного развития.

Очевидно также, что разработанные и предложенные в диссертации модели эволюции персонажей, идущих по пути обретения веры и воцерковления, могут быть использованы в процессе исследования фантастической и фэнтезийной разновидностей православной литературы, ориентированной в большей степени на детей и подростков.

Заслуживает внимания весьма специфический жанр религиозной художественной словесности – православный детектив (Юлия Вознесенская, Игорь Винниченко), ориентиром для изучения которого остается «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

Перспективным является установление параллелей между творчеством приходских писателей Я. Шипова, А. Шантаева, А. Дьяченко, А. Лисняка, произведения которых рассматривались выше, и близких им по духу и судьбам протоиереев А. Авдюгина, В. Гофмана, В. Чугунова, М. Шполянского, архимандрита Иоанна (Экономцева) и др., оставшихся за рамками исследования.

В методологическом отношении невозможно оставить без внимания возрождение в современной гуманитарной науке некоторых богословских постулатов и терминов, что связано с осознанием кризисности позитивистского науковедения. В частности, в программных выступлениях многих известнейших православных мыслителей настойчиво звучит тезис об апофатике как общенаучной методологии.

Апофатическая, т. е. логико-негативная, форма знания весьма значима и для постижения природы художественного творчества. Имеются в виду те случаи, когда в гиперболизированном и потому искаженном виде рассматриваются атеистические моменты в мировоззрении того или иного писателя. На самом же деле, более целесообразно говорить не об атеизме, тем более богоборчестве (особенно когда речь идет о русской классике), но именно об апофатике, суть которой (в отличие от катафатики) состоит в том, чтобы исходить в процессе богоутверждения от противного.

Конечно, в анализируемой православной словесности апофатические тенденции периферийны. Но когда авторы-священнослужители сталкиваются напрямую с нигитологией (современный более ожесточенный вариант нигилизма) или антихристианскими поведенческими моделями мирян, им приходится дифференцированно подходить к данным явлениям, во-первых, не отождествляя грех с его носителем; во-вторых, вникая в сокровенную суть человека, маскирующего свое истинное «я» бравадой или эпатажем. Отделяя пшеницу от плевел, не следует забывать, что в течение определенного времени, до «жатвы», они растут на одном поле (Мф. 13: 24–30). Посвященные в священнический сан авторы опираются на такое понимание, но в науке о литературе апофатическая методология находится на стадии становления.

Безусловно, появление новых литературных форм, отвечающих задачам XXI века, потребует не только дополнительных научных разысканий, но и выдвижения нетрадиционных исследовательских стратегий.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Леонов, И.С. Поэтика православной прозы XXI века / И.С. Леонов, В.А. Корепанова. – Ярославль, 2011. – 122 с. (авт. – 5,6 п. л.).

2. Леонов, И.С. Русская приходская проза XXI века как литературный феномен / И.С. Леонов. – Raleigh, North Carolina, 2018. – 180 с. (14 п. л.).

Статьи в изданиях, индексируемых в базе данных Web of Science

3. Леонов, И.С. Традиции жанра литературной исповеди в приходской прозе XXI в.: контексты «наставничество» и «товарищество» / И.С. Леонов // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 442. – С. 32–39 (1 п. л.).

4. Леонов, И.С. Жанр проповеди в поэтике книги архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» / И.С. Леонов // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – Т. 17. – № 1. – С. 205–219 (1 п. л.).

5. Леонов, И.С. Мотив *вход / выход* в произведении архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» / И.С. Леонов // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 49. – С. 198–210 (1 п. л.).

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства науки и высшего образования Российской Федерации*

6. Леонов, И.С. Модель «пастырь – пограничный персонаж» в приходской прозе XXI века: контекст случайных пересечений / И.С. Леонов // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 3(43). – С. 81–92 (0,5 п. л.).

7. Леонов, И.С. «Пограничный» персонаж в прозе Александра Дьяченко: типология и приемы создания / И.С. Леонов // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 4(269). – С. 109–116 (0,5 п. л.).

8. Леонов, И.С. Образ епископа в современной православной художественной прозе: типология и приемы создания / И.С. Леонов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 192–198 (0,5 п. л.).

9. Леонов, И.С. Персонажная модель «пастырь – пастырь» в контексте приходской прозы XXI века: аспект официального взаимодействия / И.С. Леонов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2017. – № 40. – С. 174–184 (0,8 п. л.).

10. Леонов, И.С. Произведение архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» в контексте православной прозы XXI века / И.С. Леонов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2017. – № 4. – С. 53–57 (0,5 п. л.).

11. Леонов, И.С. Поэтика произведения архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» / И.С. Леонов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12(78): в 4 ч. – Ч. 2. – С. 35–40 (0,5 п. л.).

12. Леонов, И.С. Образы православных прихожан и способы их изображения в творчестве современных писателей-священников (на материале произведений А. Шантаева, А. Лисняка, С. Михалевича) / И.С. Леонов // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2017. – № 3(56). – С. 99–108 (0,6 п. л.).

13. Леонов, И.С. «Сопутствующий» персонаж в современной приходской прозе: проблема типологии / И.С. Леонов // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 3 (262). – С. 104–109 (1 п. л.).

14. Леонов, И.С. Пастырь и паства в российской приходской прозе XXI века: специфика взаимодействия / И.С. Леонов // Известия Смоленского государственного университета. – 2017. – № 2(38). – С. 42–50 (0,8 п. л.).

15. Леонов, И.С. Образ сопутствующего персонажа в современной приходской прозе: функции и приемы создания / И.С. Леонов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2017. – № 2. – С. 89–96 (0,5 п. л.).

16. Леонов, И.С. Специфика изображения сопутствующего персонажа в современной приходской прозе (на материале творчества А. Шантаева и А. Лисняка) / И.С. Леонов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4(70): в 2 ч. – Ч. 2. – С. 26–29 (0,5 п. л.).

17. Леонов, И.С. Мотив «подготовка к смерти» в русской приходской прозе XXI века / И.С. Леонов // Казанская наука. – 2016. – № 6. – С. 34–36 (0,3 п. л.).

18. Леонов, И.С. Приходская проза XXI века: проблема двоемирия / И.С. Леонов // Казанская наука. – 2015. – № 7. – С. 75–77 (0,3 п. л.).

19. Леонов, И.С. «Ложная выбор-ситуация» как явление современной православной литературы (на примере произведений Сергея Козлова) / И.С. Леонов // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2014. – № 2. – С. 33–35 (0,4 п. л.).

20. Леонов, И.С. Эволюционирующий герой и специфика его духовной трансформации в современной православной художественной прозе (на примере рассказа протоиерея Николая Агафонова «Утешение в старости») / И.С. Леонов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2(26). – С. 94–103 (0,5 п. л.).

21. Леонов, И.С. Модель «внешняя греховность – внутренняя праведность» в современной православной художественной прозе / И.С. Леонов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4(79). – С. 122–126 (0,4 п. л.).

22. Леонов, И.С. Иов-ситуация и ее реализация в современной православной художественной прозе / И.С. Леонов // Русский язык за рубежом. – № 3(238). – С. 73–80 (0,7 п. л.).

23. Леонов, И.С. Поэтика рассказа протоиерея Николая Агафонова «Командировка в иную реальность» / И.С. Леонов // Казанская наука. – 2013. – № 3. – С. 131–133 (0,4 п. л.).

24. Леонов, И.С. Повесть Татьяны Шипошиной «Полигон» в контексте современной православной прозы / И.С. Леонов // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 5 (234). – С. 84–90 (0,6 п. л.).

25. Леонов, И.С. Рассказ протоиерея Николая Агафонова «Отшельник поневоле» в контексте современной православной художественной литературы / И.С. Леонов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6(70). – С. 126–129 (0,6 п. л.).

26. Леонов, И.С. Тема нравственного поиска личности в православной художественной прозе XXI в. (на примере рассказов священника Ярослава Шипова «Пеликан» и «Должник») / И.С. Леонов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10(64). – С. 154–157 (0,7 п. л.).

27. Леонов, И.С. Проблема типологии персонажей русской духовной прозы XXI в. / И.С. Леонов // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 5(228). – С. 96–103 (0,7 п. л.).

28. Леонов, И.С. Современная духовная проза: типология и поэтика / И.С. Леонов // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 4(221). – С. 89–95 (0,7 п. л.).

*Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

29. Леонов, И.С. Поэзия духовных лиц / И.С. Леонов // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века: в 3 т. Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры». – СПб.: Петрополис, 2018. – С. 83–88 (0,6 п. л.).

30. Леонов, И.С. Христианская художественная проза XXI века / И.С. Леонов // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века: в 3 т. Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры». – СПб.: Петрополис, 2018. – С. 153–195 (1,2 п. л.).

31. Леонов, И.С. Православная художественная проза XXI века: тематика и перспективы / И.С. Леонов // 700-летие преподобного Сергия Радонежского: сб. материалов Всерос. конф. учителей русского языка, посвящ. роли преподобного Сергия Радонежского в современной России. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 42–43 (0,3 п. л.).

32. Леонов, И.С. Тема Божественного Промысла в рассказе протоиерея Николая Агафонова «Мы очень нужны друг другу» / И.С. Ле-

онов, А.А. Соколова // Актуальные вопросы изучения православной культуры: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.; Ярославль, 2008. – С. 138–141 (авт. – 0,1 п. л.).

33. Леонов, И.С. «Благоразумный разбойник» и «большой ребенок» как типы героев в рассказах протоиерея Николая Агафонова / И.С. Леонов // Актуальные вопросы изучения православной культуры: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.; Ярославль, 2008. – С. 131–138 (0,3 п. л.).

34. Леонов, И.С. Мотив Небесного Царства в цикле протоиерея Алексия Лисняка «“Сашина философия” и другие рассказы» / И.С. Леонов // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». – М.: Ремдер, 2015. – С. 17–22 (0,3 п. л.).

35. Леонов, И.С. Сюжет «беседа с епископом» в контексте судьбы современного православного пастыря (на материале рассказов священников Ярослава Шипова и Александра Дьяченко) / И.С. Леонов // Новые тенденции развития гуманитарных наук: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д.: ИЦРОН, 2017. – С. 13–16 (0,3 п. л.).

36. Леонов, И.С. Новогодние мотивы в современной приходской литературе (на примере произведений А. Дьяченко и А. Лисняка) / И.С. Леонов // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: ИЦРОН, 2017. – С. 22–25 (0,3 п. л.).

37. Леонов, И.С. Модель «пастырь – случайный знакомый» в современной приходской прозе / И.С. Леонов // Новая наука: Современное состояние и пути развития. – Уфа: АМИ, 2017. – № 1–2. – С. 88–90 (0,3 п. л.).

38. Леонов, И.С. Мотив «спор с Богом» в рассказе А. Шантаева «Тяжкие проводы» / И.С. Леонов // Новая наука: От идеи к результату. – Уфа: АМИ, 2017. – № 1–3. – С. 152–154 (0,3 п. л.).

39. Леонов, И.С. Произведение Александра Шантаева «Асина память» в контексте современной приходской прозы / И.С. Леонов // Новые тенденции развития гуманитарных наук: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д.: ИЦРОН, 2016. – С. 34–39 (0,3 п. л.).

40. Леонов, И.С. Рассказ Александра Дьяченко «Иван» в контексте современной приходской литературы / И.С. Леонов // Новая наука:

От идеи к результату. – Уфа: АМИ, 2016. – № 8–2 (96). – С. 102–105 (0,3 п. л.).

41. Леонов, И.С. Произведения с изображением похоронной обрядности в творчестве Александра Шантаева: принцип событийного охвата / И.С. Леонов // Современные проблемы гуманитарных наук в мире: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: ИЦРОН, 2016. – С. 21–23 (0,3 п. л.).

42. Леонов, И.С. Поэтика малой прозы протоиерея Николая Агафонова / И.С. Леонов // Мир православия: сб. ст. – Волгоград: ВГУ, 2012. – С. 558–583 (0,3 п. л.).

43. Леонов, И.С. Рассказ протоиерея Александра Шантаева «Злая невеста» в контексте приходской литературы XXI века / И.С. Леонов // Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. – Омск: ИЦРОН, 2016. – С. 23–25 (0,3 п. л.).

44. Леонов, И.С. Специфика изображения похоронных обрядов в рассказе А. Шантаева «Отпевание в Заречном» / И.С. Леонов // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: ИЦРОН, 2016. – С. 3–25 (0,3 п. л.).

45. Леонов, И.С. Особенности изображения таинства исповеди в современной православной художественной литературе [Электронный ресурс] / И.С. Леонов // Studia Humanitatis. – 2015. – № 2. URL: http://t-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/leonov_0.pdf (0,3 п. л.).

46. Леонов, И.С. Изучение современной русской духовной прозы в рамках проекта «Русский язык, литература и культура сегодня (гуманитарный мир современной России)» [Электронный ресурс] / И.С. Леонов // Studia Humanitatis. – 2013. – № 1. URL: <http://st-hum.ru/en/node/53> (0,4 п. л.).

47. Леонов, И.С. Идеино-художественное своеобразие современной православной прозы / И.С. Леонов // Актуальные вопросы изучения православной культуры. – М.; Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 32–39 (0,3 п. л.).

ЛЕОНОВ Иван Сергеевич

ПРАВОСЛАВНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА XXI ВЕКА:
ТИПОЛОГИЯ И ПОЭТИКА

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано к печати 13.12.19. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,4. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 120 экз. Заказ

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Типография Научного издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27